МЕТАФИЗИКА в науке и в философии

В. УЛЬРИХ

Метафизика есть мировоззрение, а вместе с тем и метод, определенный способ мышления, противоположный диалектике, мировоззрение, которое не видит развития ни в природе, ни в обществе, ни в человеческом сознании. Метафизика рассматривает мир как совокупность готовых неизменных, независимых друг от друга вещей, движущихся в одном неизменном кругу; она разрывает связанные между собой противоположности, мыслит их как застывшие и абсолютно исключающие друг друга, противопоставляя по законам формальной логики добро и зло, истину и заблуждение, причину и действие, положительное и отрицательное, случайность и необходимость и т. д. Метафизика рассматривает познание как совокупность абсолютных раз-навсегда данных истин, противоположных столь же абсолютным заблуждениям. В этом смысле слово „метафизика" понимается диалектическим материализмом.

Буржуазная философия вкладывает в это слово другой, более узкий смысл, называя метафизикой особую философскую науку, которая чисто-логическим путем устанавливает знание об абсолютных принципах бытия и познания.

Слово „метафизика" возникло случайно. Последователи Аристотеля (Андроник Родосский и др.), располагая его сочинения в определенном порядке, поместили книгу „О первой философии" (об основных принципах бытия) после „Физики"; отсюда ее название „метафизика" (meta ta physika), т. е. та, которая изучается „после физики".

Средневековые схоласты распространили это название на содержание этой философской науки, называя метафизикой или „трансфизикой" знания об абсолютных началах бытия (о боге, вечных формах природы, бессмертии души и т. д.), знания, которые приобретаются не на основе физического чувственного опыта, а сверх него—из разума.

Философы начала нового времени, в том числе и выступавшие против Аристотеля, сохранили название метафизики за своей „рациональной" философской наукой об абсолютном (о субстанции, об атрибутах, о душе, о свободе воли, о врожденных идеях и т. д.).

В XVIII в. в Англии, во Франции, несколько позднее — в Германии, в связи с развитием капитализма и буржуазного естествознания, поднялась волна отрицания старой метафизики. Философы разных направлений указывали на связь познания с опытом и на невозможность познания абсолютных принципов чисто-логическим путем. Однако различные направления принимали это отрицание старой метафизики весьма различно. Французские материалисты разоблачали метафизику как форму идеализма, поповщины. Опираясь на естествознание, они противопоставляли метафизике факты опыта и материалистические выводы из них о механических законах природы, о зависимости сознания от материи и т. д.

Английские субъективные идеалисты и агностики использовали борьбу против метафизики как оружие против материализма. Они называли метафизикой всякие утверждения об объективном, независимом от нашего сознания существовании мира, сваливая в одну кучу идеалистические рассуждения о бессмертии души и научное материалистическое познание объективных законов природы. По их мнению, всякие утверждения, выходящие за пределы наших субъективных ощущений, есть метафизика.

Новейшие представители реакционной буржуазной философии (позитивисты, махисты) подхватили эту подтасовку и, рекламируя свою мнимую научность, ведут борьбу против материализма как против ненаучной метафизики. По Маху, все, что полагается сущим сверх данных ощуще-

ний, есть нечто метафизическое („Анализ ощущений", гл. I).

Ленин в „Материализме и эмпириокритицизме" беспощадно разоблачил это понимание слова „метафизика" (гл. V, § 2, введение и др.); Ленин доказал, что махисты в своей борьбе против живой материалистической науки защищают так же, как и старая метафизика, закостеневшие мертвые абсолюты, так же, хотя и на другой лад, служат орудием поповщины.

В эпоху загнивания капитализма особенно усилились попытки создания новых систем метафизики, в том числе на основе кантианства — „критической метафизики". Во всех этих метафизиках нет ничего научного, кроме протаскивания старого хлама, ничего, кроме стремления заковать человеческую мысль в оковы закостенелого идеализма и поповщины.

Гораздо более глубокую критику старой метафизики дал Гегель. Он указывал, что ее путь — путь антидиалектики, мышления абсолютными застывшими понятиями, непонимания развития на основе единства противоположностей. Гегель показал, что метафизическое мировоззрение весьма широко распространено, что его разделяют, сами того не сознавая, и не поднявшиеся до диалектики естествоиспытатели, и те философы-эмпирики, которые борются против метафизики как особой науки, а на деле сами защищают такое же антидиалектическое метафизическое мировоззрение.

Однако, Гегель, метко критикуя старую метафизику; сам построил новую, как он ее назвал, „спекулятивную" метафизику — науку об абсолютном духе, которая опиралась на извращенную идеалистическую диалектику абстрактных понятий. Критикуя закостенелость мысли, Гегель сам претендовал на познание окончательной, абсолютной истины. Гегель, таким образом, употреблял слово „метафизика" в двух смыслах, и это противоречие двух значений одного и того же слова отражало основное противоречие его философии — противоречие между правильной сутью диалектического метода и его идеалистическим извращением в „спекулятивной" метафизической системе.

Маркс в ранних работах („Святое семейство", „Немецкая идеология"), в которых основная борьба велась против идеализма гегелевской школы, называл метафизикой идеалистические философские построения, философию, оторванную от материальной действительности, стоящую над другими, над эмпирическими науками. В более поздних работах Маркс и Энгельс использовали гегелевскую критику старой метафизики, освободили эту критику от идеалистических извращений и на материалистической основе развернули глубочайший критический анализ буржуазного антидиалектического мировоззрения.

Метафизика в старом смысле слова — как наука об абсолютных, вечных принципах бытия и познания — в марксистском понимании метафизики является частным случаем, одним из проявлений широко распространенного в буржуазном обществе метафизического мировоззрения и метафизического метода. Общее его определение мы привели в начале статьи.

Метафизически-ограниченное мировоззрение не является случайным заблуждением; оно вырастает из исторически-необходимой ступени познания и — в известных условиях — имеет положительное значение.

Первая ступень научного познания — наивная диалектика, которая схватывает взаимодействие разнообразных явлений в их общем течении, в их развитии. Этот в общем правильный взгляд весьма поверхностен; он не углубляется в детали, в изучение отдельных явлений и потому не дает основы для познания более глубоких законов природы. В этом заключается ограниченность наивной диалектики древне-греческой науки.

Между тем уже в пределах античной культуры общественная практика создавала стремление ко все более широкому накоплению отдельных фактов, к собиранию сведений об отдельных вещах и их свойствах. В так называемый александрийский период древней науки у арабов, в средние века и в буржуазном естествознании первых веков нового времени проис-

ходит выделение частных наук, накопляется огромный фактический материал.

Это накопление предполагает следующие задачи:

1) Для изучения свойств отдельной вещи ее нужно вырвать из всеобщей связи развития, рассматривать изолированно от других вещей, рассматривать как более или менее устойчивую, неизменную.

2) Для того, чтобы итти к раскрытию существенных законов развития, нужно прежде всего, хотя бы внешне, систематизировать накопленный материал, произвести его классификацию, расчленение всех изучаемых вещей на группы, классы, виды.

3) Прежде чем переходить к изучению широкой исторической связи явлений, нужно изучить их состояние в данный момент, хотя бы самым внешним образом определить круг тех их изменений, которые происходят в течение коротких промежутков.

Наука, сосредоточившись на решении этих задач и будучи ограничена рамками идеологии эксплоататорских классов, приняла эти подготовительные задачи, задачи отдельного этапа, за конечную цель познания вообще. Отсюда и возникло метафизическое мировоззрение, т. е. рассмотрение предметов отдельно друг от друга, как неизменных и законченных, движущихся в раз-навсегда данном кругу, как разделенных непроходимыми границами извечно-установленной классификации.

Природа, с точки зрения естествознания XVII и XVIII вв., представлялась совершенно законченной, готовой и неизменной системой отдельных внешне-связанных вещей и явлений. Астрономия уточняла и дополняла карту звездного неба, полагая, что звезды вечно неподвижны на своих местах; изучала движение планет вокруг Солнца, считая, что они „однажды приведенные в движение таинственным „первым толчком", продолжают кружиться по предначертанным им эллипсам вовеки веков или во всяком случае до скончания всех вещей". [1]

[1] Собр. соч. Маркса и Энгельса, т. XIV, стр. 478.

Астрономы и географы измеряли длину земного меридиана, описывали строение земной поверхности и считали при этом, что Земля остается всегда неизменной, сохраняя одни и те же очертания гор, морских берегов и течения рек, тот же климат и те же виды животных и растений.

Физика расчленяла явления природы на ряд самостоятельных сил: тяготение, теплота, механическое движение, свет, магнетизм и т. д., изучала каждую силу порознь и воздвигала между ними непроходимые границы.

Виды животных и растений казались установленными раз-навсегда. Ботаники и зоологи видели свою задачу лишь в их описании и классификации; изучалась анатомия живого организма, внешнее соотношение его отдельных частей, без проникновения во внутреннюю связь физиологических процессов.

Движение в природе казалось происходящим всегда в одном и том же кругу, подобно движению часового механизма. Планеты вращаются по одним и тем же орбитам, вечно возвращаясь к одной и той же точке; реки текут по одним и тем же руслам; в органическом мире равное порождает только равное — одни и те же животные и растения вечно воспроизводят самих себя.

И человек в этой закостенелой системе казался также обладающим абсолютно-неизменной природой. Общественные отношения могут лучше или хуже соответствовать этой природе, и если установятся самые лучшие, они сохранятся вечно, пока существует человеческий род. Само собой разумеется, что буржуазные идеологи объявляли таким наилучшим и следовательно вечным порядком буржуазную систему общественных отношений, в одних случаях увенчанную абсолютной монархией, в других — конституционной, иногда — республикой, причем каждый раз предлагавшееся решение казалось абсолютным, хотя на деле оно было связано с временными классовыми интересами.

Метафизическое естествознание было тесно связано с богословием. На множество вопросов (как возникла

стройная система планет, в чем источник целесообразного устройства (животных и растительных организмов, как произошел человек и т. д. и т. п.) естествоиспытатели отвечали ссылкой на бога. Метафизическое мировоззрение не давало ясных ответов на эти вопросы, и естественники обращались к помощи творца.

Неудивительно, что именно в эту эпоху в науке и в философии господствовало стремление к установлению раз-навсегда законченной системы абсолютных истин. Формальная логика, с ее законом тождества, с ее абсолютным разрывом утверждения и отрицания, с ее мышлением по формуле „да—да, нет—нет", выражала самую суть метафизического способа мышления. Метафизическое мировоззрение, характерное для всей идеологии той эпохи, породило философские системы метафизики XVII и XVIII вв.

Материалисты той эпохи, в особенности французские материалисты XVIII в., несмотря на преследования, мужественно вели борьбу против поповщины и пытались объяснить мир из него самого, не прибегая к ссылкам на бога. Ими был высказан ряд идей, которые впоследствии были развиты и доказаны естествознанием. Но в целом мировоззрение материалистов XVIII в. не могло перескочить через уровень научного и общественного развития их эпохи, и потому их материализм был неизбежно материализмом метафизическим.

Метафизическое мировоззрение до известных пределов не мешало накоплению научных знаний — но лишь до определенных пределов, за которыми обнаружилась его ограниченность и ложность. На основе накопленных фактов, отвечая потребности развития производительных сил, наука со стихийной силой, хотя и через множество зигзагов и ошибок, приходила к открытию процессов развития в природе, познавала глубокие внутренние связи отдельных явлений. И каждый шаг науки в этом направлении пробивал сокрушительные бреши в метафизическом мышлении, расчищая дорогу диалектическому мировоззрению.

Начиная с середины XVIII в., с учения о возникновении солнечной системы из первобытной туманности, сначала медленно, затем все ускоряясь, шел этот процесс ломки метафизики снизу, из фактических достижений естественных наук. Открытия Гальвани и Вольта в области электричества, учение о превращении форм энергии, открытие клеточного строения организмов, теория Дарвина—все это создало уже к середине XIX в. вполне достаточные предпосылки для полного отказа от метафизического мировоззрения и перехода науки на позиции диалектического материализма.

В свою очередь, развитие философии создало условия для преодоления формально-логического мышления, для сознательного применения диалектического метода.

Но, во-первых, развивать диалектический метод буржуазная философия была способна лишь в период буржуазной революционности, и то далеко не всегда и не везде.

Во-вторых, философская диалектика в буржуазной философии была глубоко извращена идеалистической метафизикой, и для освобождения ее рационального ядра от мистической оболочки требовалась большая работа. Даже высшее достижение буржуазной мысли — философия Гегеля, на ряду с целым рядом ценнейших достижений, в своем извращенно-идеалистическом виде во многом служила и служит до сих пор в руках фашистов орудием реакции и поповщины.

В-третьих, и эта искаженная диалектика прямого применения в естествознании не получила.

Классовая ограниченность буржуазной идеологии мешала полному отказу буржуазной науки от метафизики и сознательному переходу к материалистической диалектике, революционной в своих глубочайших основах. На живую потребность научного развития буржуазная мысль — и в частности философия — отвечала попытками создания метафизики на новый, по большей части идеалистический лад. И если в период своего подъема буржуазная мысль давала иногда в этих „исправленных изданиях" метафизики кое-какие ценные достижения, то в дальнейшем—и особенно в эпоху своего загнивания—буржуазия заглу-

шает диалектические тенденции науки, возрождая всякий старый хлам философии прошлых веков.

Естествоиспытатели - специалисты примиряли свое ограниченное мышление с новыми, по сути дела революционными фактами при помощи осторожного „беспартийного" позитивизма, используя для этого отбросы агностической философии.

Как показал в своих работах Энгельс, в этом глубоко-противоречивом состоянии развивалось естествознание XIX в. В естествознании „нет... иного выхода, нет возможности добиться ясности без возврата в той или иной форме от метафизического мышления к диалектическому. Этот возврат может совершиться различным образом. Он может прорваться стихийно, благодаря просто силе самих научно-естественных открытий, не умещающихся больше в старом метафизическом Прокрустовом ложе, но это тяжелый и мучительный процесс, при котором приходится преодолевать колоссальную массу излишних трений" (Энгельс).

Энгельс боролся за другой путь, за сознательное принятие диалектики естествоиспытателями. Но, как показало дальнейшее развитие, классовая ограниченность науки оказалась слишком сильной. Сознательный переход естествоиспытателей к диалектическому материализму начал осуществляться только в эпоху пролетарских революций—для более или менее широкой массы ученых — в условиях победившей диктатуры пролетариата, для выдающихся одиночек — и в капиталистическом окружении.

Во второй половине XIX в. естествознание двигалось вперед путями стихийной, бессознательной диалектики. И, чем дальше шел этот процесс стихийной ломки метафизического мировоззрения, тем больше трений на пути познания вызывало противоречие между содержанием научной работы и ограниченным мышлением ученых. Как показал Ленин, в эпоху империализма это противоречие вступило в новую фазу. Если к середине XIX в. достижения науки были достаточны для победы диалектики, то открытия конца XIX и начала XX вв. привели к невозможности сохранения метафизического мировоззрения, привели к его окончательному крушению.

Как в области производства капитализм создал производительные силы, с которыми он справиться не может, и потому пришел к загниванию и к кризису всей системы, так и в области науки буржуазия пришла к таким результатам, которые абсолютно несовместимы с буржуазной ограниченностью. И естествознание вступило в полосу острейшего кризиса.

В изучении каждой области природы, в каждой науке идея развития стала основной и решающей. „С „принципом развития" в XX в. (да и в конце XIX в.) „согласны все".—Да, но это поверхностное непродуманное случайное филистерское „согласие" есть того рода согласие, которым душат и опошляют истину". [1]

Подлинно-научное понимание развития буржуазные ученые подменяли пошлой буржуазной идеей постепенной эволюции как простого роста, как увеличения и уменьшения того, что было всегда. Признавая, хотя бы превратно, развитие в природе, они не применяли эту идею к ходу научного познания и тем самым разрывали бытие и мышление, создавая почву для идеализма. Такая „уступка" диалектике не выходила за рамки метафизики.

Однако, и эта „уступка" мало помогает делу: диалектика упрямых фактов врывается в самые затаенные уголки метафизического мировоззрения, разрушая самые „незыблемые", „абсолютные" и окаменевшие идеи метафизики.

И, как во времена Энгельса диалектика громче всего заявляла о себе фактами биологии, открытием Дарвина, — так теперь ведущую роль стала играть физика, учение о самых глубочайших проблемах строения материи.

„...Исчезают такие свойства материи, которые казались ранее абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т. п.) и которые теперь обнаруживаются

---

[1] XII Лен. сб., стр. 185.

как относительные, присущие только некоторым состояниям материи". [1]

В середине XIX в. естествоиспытатели могли прикрывать свое метафизическое мировоззрение при помощи осторожного агностицизма, своеобразной формы „стыдливого материализма". Открытия последних десятилетий поставили их перед выбором: или признание диалектического материализма, или бегство в откровенный субъективный идеализм, в мистику и чертовщину. Будучи буржуазными учеными, они не знали материалистической диалектики, и потому значительная их часть, цепляясь за свою метафизическую ограниченность, повернула к идеализму.

„Новая физика свихнулась в идеализм, главным образом, именно потому, что физики не знали диалектики. Они боролись с метафизическим (в энгельсовском, а не в позитивистском, т. е. юмистском, смысле этого слова) материализмом, с его односторонней „механичностью"—и при этом выплескивали из ванны вместе с водой и ребенка. Отрицая неизменность известных до тех пор элементов и свойств материи, они скатывались к отрицанию материи... Отрицая абсолютный характер важнейших и основных законов, они скатывались к отрицанию всякой объективной закономерности в природе, к объявлению законов природы простой условностью... Настаивая на приблизительном, относительном характере наших знаний, они скатывались к отрицанию независимого от познания объекта, приблизительно верно, относительно правильно отражаемого этим познанием. И т. д. и т. д. без конца". [2]

Вскрывая диалектическую относительность законов природы, наталкиваясь на относительность наших знаний, буржуазные ученые превращают эту относительность в абсолют, приходят к субъективному идеализму и от прикрытой формы поповщины неизбежно катятся к прямой защите религии, к мистицизму. Самые последние годы — эпоха кризиса капиталистической системы—подтвердили полностью ленинскую характеристику кризиса буржуазной науки. Метафизика и в старом—механистическом—виде и в „новом" — субъективно-идеалистическом—окончательно обнаружила себя как прямую преграду на пути научного развития. Ученые бегут от реальности в формальные математические абстракции; больше того — многие крупнейшие научные теории пропитываются откровенной мистикой. Так, например, из открытия диалектики случайности и необходимости, возможности и действительности в мире электронов делается вывод о том, что электрон обладает „свободой воли", что для так наз. „микромира" недействителен закон причинности, что никакой закономерности в „микромире" нет. Отдельные тенденции развития материи (распад весомой материи, рассеяние энергии) отрываются от общей картины развития природы, превращаются в метафизический абсолют, и из них делаются выводы о конечности мира, его абсолютном таинственном начале и столь же абсолютном мистическом конце (Джинс, Эддингтон). Это искажение диалектических фактов самыми грубыми формами поповской идеалистической метафизики обнаруживает тупик буржуазной мысли и блестяще подтверждает ленинский анализ кризиса науки эпохи империализма.

Данную Энгельсом критику метафизики Ленин поднял на новую, более высокую ступень. Диалектический материализм на ленинском этапе, в особенности разработка учения о диалектике как теории познания, дает мощное оружие для преодоления кризиса современной науки, для ее бурного развития на материалистической основе.

Высокий уровень развития научного знания, новая ступень развития марксистской теории позволили Ленину дать углубленную трактовку недостатков старого метафизического материализма. Разрабатывая диалектику как теорию познания, Ленин подчеркивал, что „основная беда... (метафизического материализма) есть неумение применить диалектику к тео-

[1] Ленин, „Материализм и эмпириокритицизм", гл. V, § 2.
[2] Там же, гл. 5, § 2.

рии отражения, к процессу и развитию познания". [1]

Буржуазия неспособна покончить с отжившим антинаучным метафизическим мировоззрением. Больше того, против развивающейся пролетарской революции, несущей освобождение всему трудящемуся человечеству, буржуазные идеологи мобилизуют самые реакционные, самые варварские метафизические учения. Чего стоит хотя бы несусветное изуверство расовых теорий германского и японского фашизма! По метафизической закостенелости и просто глупости они превосходят метафизику всяких Больфов, по тупой кровожадности они превзошли средневековых попов.

Только пролетариат является носителем последовательного диалектико-материалистического мировоззрения. Только Маркс и Энгельс спасли рациональное зерно диалектики Гегеля от его же идеалистической метафизики и создали самое последовательное антиметафизическое мировоззрение как руководство для революционного осуществления самого глубокого диалектического поворота всемирной истории.

Ленинизм поднял марксизм на новую ступень по всем линиям, в том числе и по линии философского обобщения достижений науки. И как лишь с марксистско-ленинских позиций можно понять противоречия современной эпохи, точно так же только с высоты ленинской разработки диалектического материализма можно правильно истолковать открытия современного естествознания.

[1] XII Лен. сб., стр. 326.

Пролетарская революция несет окончательную победу диалектическому материализму во всем научном знании, во всей культуре. Продолжая и развивая дело Ленина, наша партия — и в первую очередь тов. Сталин — развивает и углубляет это мировоззрение, нанося все новые сокрушительные удары буржуазной метафизике.

Глубокое и последовательное осуществление диалектический материализм находит в генеральной линии нашей партии. Тов. Сталин в борьбе против всяких форм оппортунизма и социал-фашизма блестяще вскрывает их буржуазную метафизическую методологию.

Не что иное, как буржуазная метафизика, выступала против революционной диалектики в теориях троцкизма о невозможности победы социализма в одной стране. Обосновывая политику правого оппортунизма, т. Бухарин выдвигал метафизику равновесия и примирения классов против диалектического движения на основе борьбы противоречий. Метафизическая закостенелость понятий и лозунгов, превращение одной стороны дела в мертвый абсолют, отсутствие диалектической гибкости проявляется в левацких заскоках и всяких „головокружениях от успехов".

Тов. Сталин учит партию и весь рабочий класс бороться против всех и всяческих форм буржуазного метафизического подхода. Борьба против метафизики, за последовательный диалектический материализм является одним из существенных моментов борьбы за коммунизм.